

ПРИЕМЫШ КАТЯ

Сказы православной Сибири

Роман Николаев

Не балует природа Полуночного края жителей его. Летом одолевают людей, собак, оленей полчища комаров и мошки. Зимой лютые морозы словно железным панцирем сковывают снега настом. Ох, трудно тогда оленю прокопытить оледеневшую корку, чтобы добыть свой корм — мох-ягель. Медведь — хозяин тайги укладывается на всю зиму в спячку, но остальные хищники — рыси, волки, россомахи смелеют и свирепеют с голодухи. Даже на оружного охотника напасть могут. Сказывают бывалые люди: отправился молодой смельчак в одиночку в лес на промысел и пропал. После нашли на поляне одну обутку — поршень да ствол от пицали. Все остальное девалось невесть куда. А кругом волчьи следы в избылии....

Вот и в ту зиму, говорят, лютые морозы установились в тайге. От голода и холода осмелели волчьи стаи. Сначала зайцев, диких коз да лосей в округе погубили. Потом и до домашних оленьих стад добираться стали. Не помогали ни острые стрелы пастухов, ни костры, ни верные сторожа — собаки. Редко у кого из богатых таежников в то время огненный бой водился, выменянный за мягкую рухлядь (пушнину) у пришлых купцов. Только и его волки несильно боялись: одного застрелит таежник, а за ним, глядишь, пять-шесть скачут. Уж к самим чумам подбираться стали.

Собрал тогда племенной князец родовых старейшин и порешили они укочевать на полдень за Сосновый хребет к Налимьему озеру, где жило родственное племя и где, говорили, морозы были слабее, дичи больше и волки заходили реже. И вот погрузились таежники и тронулись в путь. А было у них в обычае ездить на оленях верхом, кладь перевозить вьюком, люльки же мастерили так, чтоб можно было приладить на оленью спину.

Сначала благополучна была дорога. Но где-то близ Ржавой курьи на Горелой поляне окружила караван одного из родов огромная волчья стая, стала вплотную подступаться. Ощетинился караван со всех сторон остриями стрел и рогатин, прорвался сквозь вражье кольцо. Да не весь — отбили серые тати оленуху с люлькой на спине, а в люльке — младенец.

Истошно закричала мать, повернула было своего оленя следом за ребенком, но удержали ее сородичи и со словами: “Куда, безумная? Дитя не спасешь, сама пропадешь! У тебя еще малые, кто растить их станет?” увлекли с собой.

Преследуемая волками оленуха бросилась на лед курьи (так зовут здесь стоячую заводь) и понеслась на противоположный берег. Волки следом. Вот-вот настигнут. Но взбежала оленуха на бугор, а там поляна, поросшая редколесьем. На поляне — избушка. Рядом — часовенка малая. Волки у края поляны замедлили бег, ровно не решались начать здесь свой кровавый пир. Той порой скрипнула дверь часовенки и вышел старец в черном одеянии с медным крестом на груди. Строго нахмурил он брови, погрозил волкам посохом:

— Ах вы лесные разбойники! Почто ощерились на дите малое и скотинку беззащитную? Ужо я вас! Именем Господним велю, убирайтесь в дальние дебри и чтоб духу вашего не было тут!

Заворчали волки. Но вожак поджал хвост и затрусил к реке, стая за ним. Оленуха благодарно стала тереться мордой о колени спасителя, а малышка (была то девочка), которая, не чуя опасности, безмятежно спала во время бешеной гонки, вдруг разревелась отчаянно.

Старец улыбнулся, взял ее на руки и заговорил напевно и ласково:

— Почто плачет моя ласточка малая, белочка моя черноглазая? Аль кушать захотела?

И, присев на корточки, поднес он девочку ротиком к соску оленухи. Сжала малышка губками сосок и зачмокала. Глазки закрылись, и скоро она, посапывая, спала на руках у старца.

Прошло несколько дней, старец устроил питомицу в добрую православную семью в соседней деревеньке-станке. Молодая хозяйка там недавно родила мальчика, и родители согласились взять ему молочную сестренку. Селяне из двух других семей стали приемными крестными отцом и матерью. Старец же окрестил девочку по православному обычаю, имя дали ей Екатерина.

Любили Катю приемные родители как родную. Она отвечала им взаимной любовью, росла примерной, набожной, трудолюбивой. Любила она бывать в лесной келье старца-отшельника. И всегда приносила ему либо овощи огородные, либо грибы, орехи, плоды лесные. Любила также, сидя у ног его на пороге избушки, слушать притчи и поучения. Он же, видя способности и прилежание ее, стал помаленьку учить Катеньку грамоте. И само собой — Закону Божьему, молитвам. Часто вместе со старцем в часовенке она пела акафисты, тропари, псалмы. И так воодушевленно и мелодично звенел ее голосок, что, сказывают люди, утихал ветерок и умолкали птицы на ветвях, замирали хариусы в ручьях, чирьи в озерах, стерлядки и осетры в реке. Даже тучи надоедливых комаров переставали гудеть и кусаться, опускались в густую траву.

Однажды, сидя со старцем у избушки, подняла Катя глазки-черниченки и будто взрослая сказала:

— Как хорошо, дедушка, белый свет сотворен! Всюду простор и приволье. И живу я тут, потому что спас ты меня в ту страшную зиму. Спасибо тебе! — и ласково прильнула к плечу отшельника.

Но покачал старец седой головой, погладил черную, как вороново крыло, головку Кати:

— Умница ты наша разумница. Однако мала еще, многого не разумеешь. Не я тебя спас, ласточка. Господь Бог наш Иисус Христос. Он сотворил прекрасный наш мир. И нас он создал для того, чтобы жизнью примерной, делами добрыми заслужили мы благое житие в Царствии Его. Идем же, радость моя, в часовенку, помолимся Ему пред Его светлым Ликом.

Долго ли, скоро ли после того случилась в городе-остроге осенняя ярмарка. Потянулись туда жители станков, лесные и тундровые кочевники. И Катина приемная семья повезла грибы сушеные, да ягоды, да орехи, рыбу соленую и вяленую. А отправились по реке на большой лодке. Плывут и видят: по берегу какой-то кочевой род верхом на оленях едет, во вьюках товар везет.

И случилось так, что в одно время достигли острога селяне и таежники, вместе вошли на ярмарочную площадь. Тут одна пожилая таежница к Кате подбежала и давай ей что-то быстро-быстро говорить по-своему. А девочка не понимает. Нашелся, однако, среди селян человек, который ту речь разумел, говорит приемному отцу Кати:

— Спрашивает таежница, кто эта девочка. Больно на их родню похожа.

Рассказал приемный отец, как Катя к ним попала. А таежница ровно ум потеряла — смеется, плачет, обнимает девочку:

— Дочка моя, нашла я тебя! Теперь к себе заберу!

Понял это селянин, воспротивился:

— Жена моя ее своим молоком вскормила! Мы ее растили-пестовали! Родная она нам. Не отдадим!

Таежники кричат, кулаками машут:

— Наша она, заберем!

Селяне за своего вступились:

— Попробуйте только, мы их в обиду не дадим!

И кто знает, чем бы дело кончилось. Да встал между спорящими старец-отшельник. Никто не видал, откуда он появился. Но всегда оказывался он там, где дело лихо, страсти утихомиривал. И сказал строго:

— Прекратите этот содом. Только девочку напугали. Выросла она у добрых людей и в вере православной. И быть кочевницей не может. Пусть живет, как жила. А захочет погостить у кровных родителей своих — не препятствуйте. Когда войдет Катюша в возраст, сама решит, где жить. Но уж православной она навсегда останется, веру менять ее не принуждайте. Великий грех это!

На том и порешили. Так и стала жить Катюша. То она в станке, то на стойбище. Радует обе семьи. Хозяйствовать и там, и здесь научилась. И за скотиной, птицей ходит, и на огороде управляет, и прясть, ткать умеет. И как таежница может с другими женщинами чум поставить, оленуху подоить, парку и лунтаи сшить и бисером их так украсить, что все в стойбище дивятся. И уж не девочка она малая. Стала девицей-раскрасавицей. И в стойбище и в станке на нее добры молодцы заглядываются. Но держит себя Катя в строгости. На шутки-прибаутки парней отвечает с вежеством, но серьезно.

Как-то прибежала Катя к старцу на себя непохожая. То краснеет, то бледнеет, дыхание прерывисто, а в глазах слезы:

— Дедушка, как мне быть, что делать?

— Что стряслось, милая? Успокойся да расскажи путем.

Отдышалась Катя и поведала отшельнику: заслал старейшина соседнего стойбища почтенных людей к ее отцу сватать за своего сына — удалого охотника. А днем позже к ее приемным родителям пришли сваты известного селянина Гаврилы-рыбака. Просят ее в жены Гаврилиному сыну.

— Ну, и какой же из тех юношей люб тебе? — спросил старец.

— Дедушка! Люблю их обоих, как братьев. Но не лежит душа моя к замужеству. С детства думаю, что не случайно спасена я от лютой смерти Господом нашим. Больше всего на свете желаю служить Ему до конца жизни. Было бы высшее счастье мое, если бы могла я стать одной из тех, кого зовут невестами Христовыми...

Хотел старец спросить девушку, тверда ли она в своем намерении, но, взглянув в глаза, все понял:

— Вижу, вижу, что предначертан твой путь. Видно, ведет тебя рука святой Екатерины, небесной покровительницы твоей, коя отвергла брак земной, став невестой Христовой. Благословляю тебя на благое служение. Теперь жди, пока укажу тебе путь.

Несколько дней прошло, пока убедил отшельник обе Катины семьи согласиться с ее решением. Убедил он и обоих женихов не препятствовать девушке, а напротив, охранять ее на пути в женскую обитель, игуменья которой, Евдокия, ранее возглавляла племя шитолицких, кочевавших в тундре далеко на полуночи. Туда и направилась Катя послушницей. И, говорят, ничто не помешало ей и ее спутникам в пути. Погода стояла ясная, болота подсохли, даже хищные звери уходили с дороги в тайгу.

Сказывают, через много лет приезжала к таежным и тундровым племенам красивая, несмотря на возраст, женщина с проповедью веры Христовой. Многие таежницы после бесед с нею крестились и убеждали креститься мужей. Держалась она скромно и достойно, но в споре с нею не мог устоять ни один шаман.
